

Однажды, во время моих одиноких путешествий на лыжах по окрестностям города, я устал и замёрз. На лыжах я не бегаю, хожу — неспешно прогуливаюсь. Зашёл в деревню, постучался в ворота крайнего дома. Из окна смотрело на меня маленькое детское острое личико.

Через сени, устланные чистыми половичками, прошёл в тёплую большую комнату. За столом сидели женщина и девочка. Пахло деревенским теплом.

— Что вам?

Женщина подошла ко мне. Только раз в жизни, — помнится, в юности, — в какой-то далёкой деревне я видел такую русскую зрелую красоту, ясное тихое лицо, светлые карие глаза, густые тёмно-русые волосы, тонкий профиль, и благородство какое-то во всём облике. И вот снова... Я и тогда, мальчишкой, внутренне вздрогнул: неужели такое может быть! Здесь, среди этой грубой работы и грубой жизни. И сейчас... Больше я ни разу не взглянул на неё. И так помнил и помню всю.

— Я устал и замёрз.

Женщина повела рукой и чуть наклонила голову, приглашая раздеться и пройти. Девочка передвинула книжку и тетрадку на край стола...

Мы втроём, держа в руках стаканы остывающего чая, долго смотрели в окна, провозжали темнеющий зимний день.

Ещё несколько раз приходил я в тот дом, и всегда мы... молча, втроём... сидели за чаем и смотрели в окна, сумерничали.

Однажды глаза женщины при моём появлении — я видел, не смотря — засветились тихой глубокой спокойной радостью. Больше я туда не приходил.

Почему? Тайна, и для меня — тайна. Но одно воспоминание о тех белоснежных сумерках — грусть на всю жизнь.